

КРОКОДИЛ

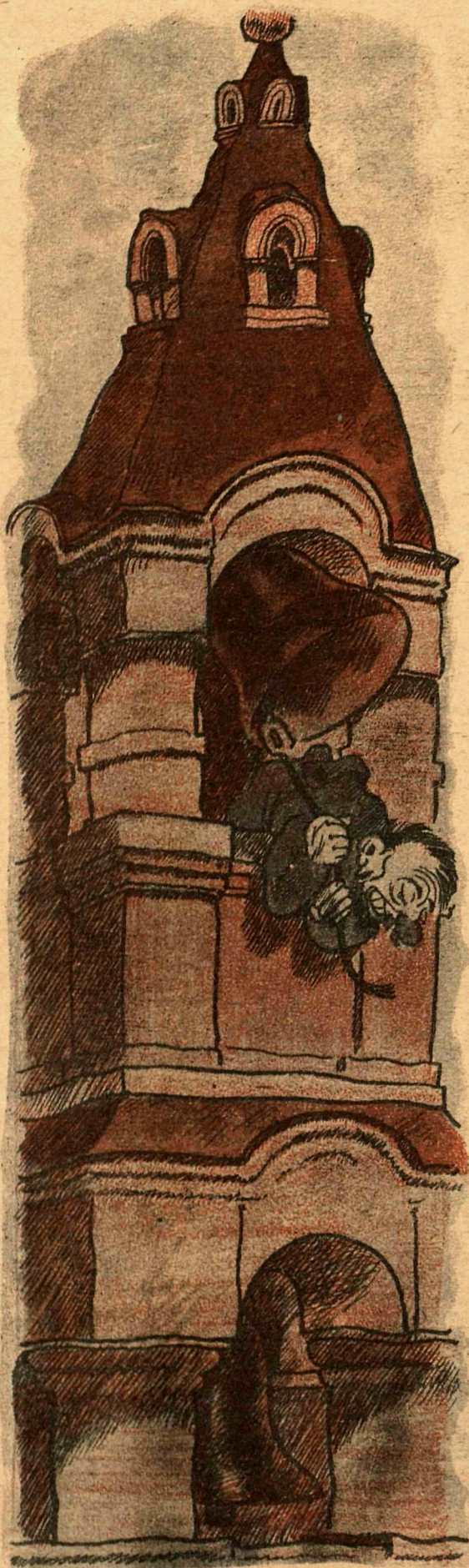
Рис. Л. Межеричера.

ЕВРОПА И КИТАЙ.

Китай проснется. Он уже просыпается.

Рис. К. Ротова.

— Чорт возьми! Адрес помню: на самом верху, звонить три раза. Поч-ч-ему же не открывают?
Перепились! дьяволы!

РАБОТЯГА—КООПЕРАТОР.

— Вы знаете: зав-то наш не досыпает...
— Неужто ночей?
— Какое там ночей— мешков не досыпает.

I.

Светило солнце. Пели птицы. Зеленела трава.
Товарищ Фунтиков налил водки себе и товарищу Недомеркину, посмотрел свою рюмку на свет и сказал:

— Выпьем, товарищ! Хотя, положим, оно уж и выпито в меру, да ведь что ж уж... Не с радости пьешь,—с огорчения пьешь, дорогой мой товарищ! Потому что жизнь-то нынче... И, вообще сказать, обстановка... Эх!..

— Что верно, то так,—подтвердил, выпив и закусив, товарищ Недомеркин. — Не жизнь вовсе, а промежуток какой-то свиначий. Тупик, одним словом, и никакой тебе ситуации. Эх!..

— Было, да сплыло, что было-то!..—вздыхнул, наливая по следующей, товарищ Фунтиков.—Геройские были времена: фронты ли взять, революцию ли... „Кто был ничем, тот станет всем“: во! А к чему оно нынче, геройство-то? За что это самое... кровь проливали?.. Эх!..

— Для кого революцию делали?—спросил, выпив, товарищ Недомеркин. — Мы кровь проливали, а они на курорты ездят в мягких вагонах? На улицу выйдешь,—из магазиньего окна поросычье заливное рыло глядит на тебя или подвязка дамская шелковая!.. Эх!..

— Ты, вот, заместо геройства, в кооперативе на щетах щелкаешь,—уныло констатировал факт товарищ Фунтиков.—Тоже, занятие!.. А спец какой-нибудь нэпманский пятьсот в месяц получает и котлеты из рябчиков лопает! Эх!..

— Или, сказать, например, к деревне лицом поворот этот самый,—неожиданно и горестно вспомнил, налив рюмки, товарищ Недомеркин.—Мужик с тебя в 19-м году последнюю рубаху за кусок хлеба сымал да сливочным маслом телегу смазывал, а ты теперь вокруг этого самого мужика—как вокруг аналоя?? Эх!..

— Одним словом, выпьем, товарищ!..—вынес резолюцию товарищ Фунтиков.—Хотя, п-положим, оно уж и пито д-достаточно... Да что ж делать-то нынче, в такой с-ситуации? Нечего делать-то!.. Эх!..

— Жизнь, одним с-словом!..—махнул рукой и опрокинул рюмку товарищ Недомеркин.—Мещанское окруже... жение и... никакого геройства! За что... пр-роливали?.. Эх!..

II.

Сияло солнышко. Пели птички. Зеленела травка.

Товарищ Курослепов налил водки себе и товарищу Недотычкину, посмотрел свою рюмку на свет и сказал:

— Дербалызем, товарищ! Хотя уж и выпито,—ну, да чем мы рискуем? Можно и позволить себе: не девятнадцатый год. Отчего бы и не того... не бездельничать в свое удовольствие? А?..

— Что верно, то резонно!—подтвердил товарищ Недотычкин.—Было время: и не доедали, и не допивали, и силы напрягали... Ну, было, да и прошло! Можно, так сказать, временно и на лаврах почить, при теперешних достижениях... А?..

— Ну, а что ж, в самом деле?—удивился, наливая по следующей, товарищ Курослепов.—„Социалистическое отечество в опасности“, что-ли? В сущности, если серьезно-то говорить, то сейчас и силы тратить не на что... Строй укрепился, промышленность идет в гору, смычка с деревней налаживается: какого ж еще рожна теперь надо? А?..

— Что верно, то правильно,—повторил, выпив, товарищ Недотычкин.—Достигнуто, в сущности, больше, чем можно было рассчитывать... Ещё по одной разве, а?.. Собственно, у меня на вечер работа кой-какая предполагалась,—ну, да чорт с ней, в конце-то концов! Собственно, даже глупо: торопиться, кипеть, затрачивать на всякие „очередные дела“ столько энергии. А?..

— Давно говорю,—согласился, налив и чокнувшись, товарищ Курослепов.—Революция, что ли, провалится? Или Деникин к Москве подступает?.. Положение прочно, завоевания сделаны огромные,—какого же чорта зря силы расходовать? А?

— Ни м-малейшего см-смысла!..—сказал, выпив и закусив, товарищ Недотычкин.—Вообще, п-почему и не выпить... на лоне, так сказать? Что еще делать-то? Не от уныния ж п-пьем, а... д-делать-то, собственно, н-нечего!.. А?

— Не зря ж этого, как ее... р-революцию делали!—поддакнул, налив и пролив рюмку, товарищ Курослепов.—Сделали, д-дости-тигли, ну... и того... чего же еще?.. А?..

III.

• Оба эти отрывка из своего предполагаемого рассказа я прочитал товарищу Сидорову и спросил:

— Ну как?

— Да что ж...—ответил товарищ Сидоров.—Правдоподобия мало.

— То-есть как? По-твоему, таких не бывает?

— Бывают-то бывают... Торчат кое-где поодиночке... Но чтоб сразу по паре такой сволоты дурацкой набралось—это уж неправдоподобно!

— Ну, как сказать... Да постой: ты куда же?.. Подробнее бы поговорили... Но товарищ Сидоров решительно взялся за фуражку:

— Поговорил бы да некогда.. Сам понимаешь: работы невпроворот!

Грамен.

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ.

(Опыт литературного исследования).

Всякий, даже мало литературный человек, в наше время великолепно может сочинять рассказы из времен гражданской войны. Уменья, в сущности, никакого и не требуется: взять обыкновенную теплушку, набить ее до отказа самым разнообразным народом, запустить туда сверх комплекта парочку матросов, закатить со всей публикой в тупик, напустить пятидесятиградусного мороза с вьюгой, предложить всем находящимся в вагоне друг друга изнасиловать, а затем вообще плюнуть на всю эту историю,—и рассказ готов.

Не менее просто описать и производственно-рабочий быт (если такой действительно бывает): берется за основу товарищ Николай—стальные глаза, точно высеченное из гранита лицо, железные мускулы, мраморный лоб, упругие движения,—не человек, а железо-бетон. На товарища Николая надевается синяя блуза, в правую руку ему суется молот. Получив это орудие производства, товарищ Николай со свойственным ему упругим движением стальных мускулов поднимает его вверх и на протяжении всей повести отнюдь не опускает. В таком положении приезжает на завод, где пара вагранок, шкивы, приводные ремни, бессемеровская сталь, прокатный стан, подъемный кран, домна, штуки три мартенов—все крутится с дьявольской скоростью и диким грохотом. Товарищ Николай своим металлическим голосом спешно прорезает гул завода и открывает общественную столовую, чем и кладет начало раскрепощению женщины.

По существу, с крестьянином дело обстоит не сложнее: прежде всего,—литература уже установила,—что каждого крестьянина среднего возраста зовут Митричем, крестьянских ребят—Ванятками, стариков—Пахомычами, девушек—Мотрями, женщин среднего возраста—Агафьями и старух—Феклами. Само собой разумеется, что героем крестьянского рассказа может быть только Митрич или, на крайний женотдельский случай,—Агафья. Ванятки и Мотри—молоды, а Пахомычи с Феклами—явно устарели.

Занятий у Митрича—масса. Тут одной общественной сто-

ловой не отделаешься—нужны и кооператив, и школа, и изба-читальня, и комитет взаимопомощи, и все прочие сельскохозяйственные орудия. Если к этому прибавить еще волостной бюджет и перевыборы в советы с оживлением, то комплект крестьянских занятий будет полон. Самый рассказ—уже пустяки:

...— «Вестимо, кормилец! — сказала Агафья, — подавая работавшему в небольшой, но посевной кампании, Митричу тюрю на завтрак.

— Знамо дело! — ответил Митрич, не отрываясь от работы:—положь сюды.

— Не обессудь!—сказала Агафья, уходя домой:—бог на помощь.

— Нишкни, болезная!—ласково напутствовал ее Митрич, продолжая мощными взмахами сохи двигать по скошенной целине соломорезку. Вдруг что-то хрустнуло.

— Таперича обявательно! — сокрушенно сказал Митрич: — не иначе как шестерня в карданном валу моего трактора лопнула! Бяды! — покачал он головой, взял трактор на плечи и понес его к своей избе. Сиротливо белела трехлемешной сеялкой брошенная на чересполосице соха и о неналаженности единоличного хозяйства говорили врывшиеся в мать-сыру землю триера соломорезки.

Но Митрич был не какой-нибудь кулак с жирным пузом, а настоящий сельско-хозяйственный середняк: узнав дома от Агафьи, что примазавшийся к советской власти и пролезший в сельсовет пьяница, самогонщик и кулак Пахомыч снова выпил две рюмки русской горькой, и, обременяя село невыносимыми поборами, — приказывает на письма кленть марки, — Митрич сразу произвел перевыборы сельсовета, втянул беспартийную массу, организовал сельско-хозяйственный коллектив, оборудовал школу, избу-читальню, радио-приемник и кооператив.

Новая заря радостно сияла над родным селом Митрича».

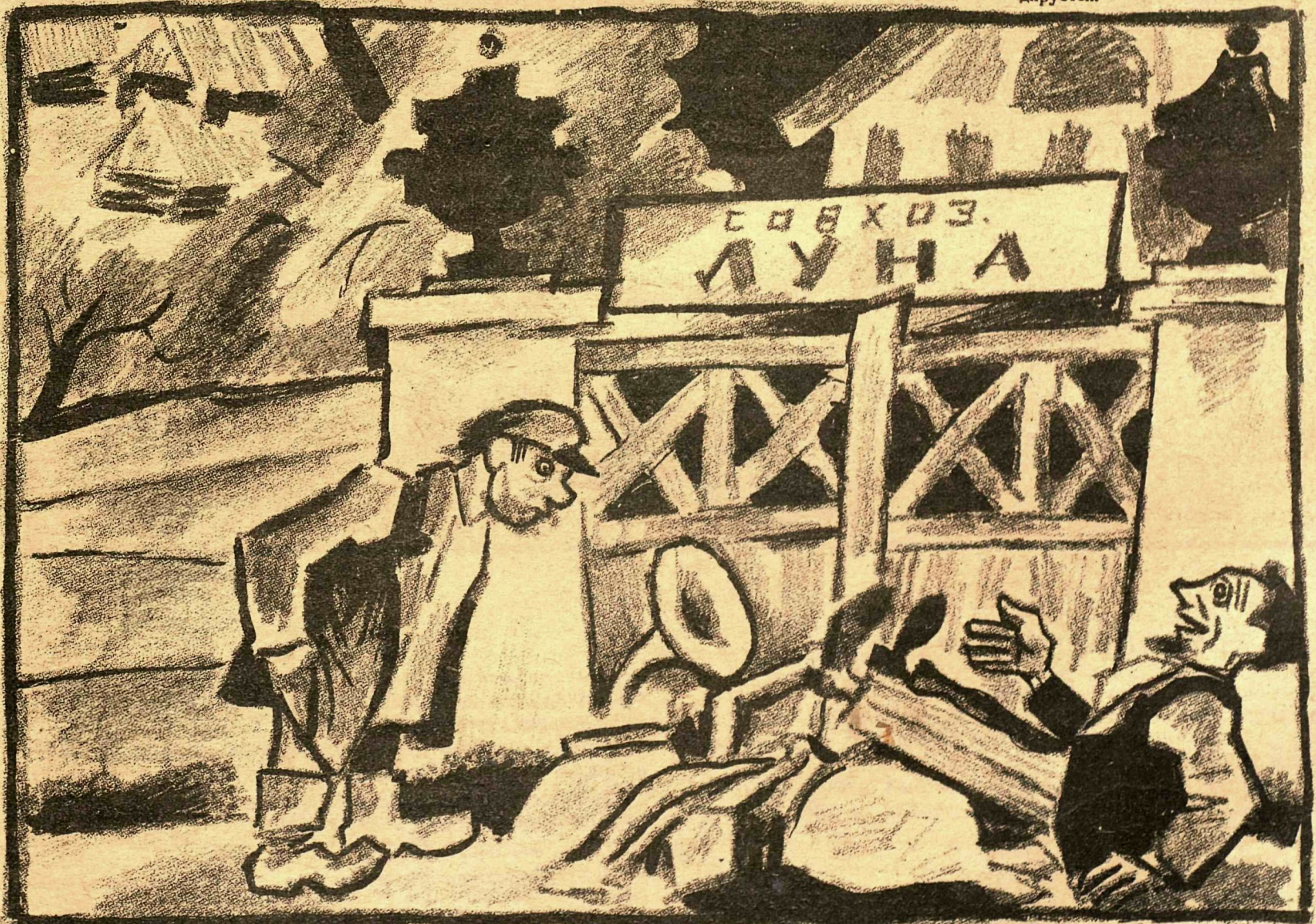
Вот и все. Пользуясь этим образцом, но соответственно сажая на место Митрича Ванятку, Мотрю или Агафью, можно писать рассказы и для комсомольских, и для женотдельских журналов.

Вл. Павлов.

В Парголовской волости с.-х. артель «Луна» вся состояла из семьи помещика Пауша. Предприятие это ликвидируется.

Ри. Ив. Малютина.

ЛУНАТИКИ.

— Чего вы тут на дороге лежите? С луны, что-ль, свалились?

— Вот, именно, дорогой товарищ,—с «Луны»

Рис. К. Ротова.

Фараоны в Египте.

ТРАМВАЙНЫЕ КАРТИНКИ.

Горбун.

К трамваю, спеша, подбежал горбун, крутя головой, задыхаясь, и длинной цепкой рукой схватился за поручень передней площадки.

Трамвай, вздохнув тяжело, готов был отправиться в путь. Вдруг вожатый дал тормаз, устало и зло уставив глаза на горбуна;

— На право проезда?

— Я—инвалид... не видите разве...

— Сойдите, иначе не трону вагон. Этак бы каждый горбов себе наростил, да полез через переднюю площадку.

Вежливость.

Бежал за трамваем, хотел сесть на ходу. Оступился, сорвался, упал и около уха прокатилось трамвайное колесо, наполнивши ухо ужасом шума.

Встал. Из губы кровь лилась. Брюки клочьями висели в коленях, и колени дрожали от страха.

И вот такой: разбитый, истерзанный, рваный—глянул кругом, увидел народ и губы расплавил в улыбочку:

— Гы...ы...

Дескать, так я... я—ничего... Я просто для удовольствия...

Вас. Лебедев-Кумач.

Иван Мартьяныч, личность рабоче-крестьянского происхождения и бригадирской квалификации, однажды занедужил животом. Поел-ли чего лишнего. или недоед, или, недоевши, переел,—одним словом, вспучило живот у бригадира, резь объявилась и „чревовещание“ полным голосом.

Выпил Иван Мартьяныч из склянки старую добрую касторку — с утра будто полегчало, днем же опять забродило, а к ночи закрутился приводным ремнем сам Иван Мартьяныч. Всю ночь согрел „кляпяной“ бутылкой желудочную площадку, касторку больше не принимал, но без нее желудок Мартьяныча перешагивает через все производственные планы.

Оставалось одно,—шагать по ведомственной линии в подведомственную заводу амбулаторию. А так как желудок Ивана Мартьяныча был не единственным, жаждающим исцеления, и так как желудок является только одной составной частицей всех болящих органов, то Иван Мартьяныч оказался девяносто седьмым номером в амбулаторной очереди. Дошла все же очередь и до него. Врач подробно записал „историю болезни“ Ивана Мартьяныча, справился о возрасте и о недугах всех предков больного. В заключение, слегка покосившись на чрево Ивана Мартьяныча, доктор изрек:

— Вам, досточтимый, касторку надо принять!

Досточтимый заверил целителя, что касторка уже выпита, и что в производительности желудочного труда наблюдается даже перепроизводство.

— А-а!..—молвил врач,—ну, тогда мы в обратном смысле закатым вам иноземцевых капелы!

Капли утомили бунтующий желудок Ивана Мартьяныча, и в течение последующей недели весь пищеварительный аппарат бригадира походил на „холодный завод“, где ржавеют котлы и цеха забросаны всяческим мусором. Нехорошо было Ивану Мартьянычу.

Вновь сунулся он в амбулаторию, вновь пространно записывал врач историю болезни, а больному задал один единственный вопрос:

— Вы что принимали?

— Иноземцевы!

— А... ну, теперь принимайтесь за касторку!

Касторка понизовым ветром приводила в движение бригадирский желудок, который, подобно разбушевавшемуся морю, не имел ни малейшего намерения утихомириться.

И опять потащился ослабевший Мартьяныч в амбулаторию, где его после длительной записи спросили коротенько:

— Что в последний раз принимали? Касторку? К иноземцевым теперь приступайте!

Проходили месяцы, и уже махнул рукой Иван Мартьяныч на амбулаторию, отмахнулся он и от бабки-советчицы, которая, узнавши про мартьяновский недуг, внушала ему, подняв костлявый палец:

— Смешай, сердечный, василек с ромашкой, прибавь капустки, сердечный!

МОРГАН:—Отчетом вашим я доволен. Прикажите там у нас в Бельгии, чтобы вас назначили премьером...

Махнул рукой на все Иван Мартьяныч и пошел к желудочному доктору, который давал „благо народу“ за наличный расчет.

И таково ли чудесное действие дензнаков, или какая другая причина, но исцелился Иван Мартьяныч, болезни всей у него оказалось „на копейку“, всю ее, как в зеркальце, анализ показал.

И кумачем раздумячился, козырем ходит Иван Мартьяныч, и попался ему навстречу как-то сторож амбулаторный. Всматривается в Ивана Мартьяныча и пальцем нос почесывает:

— Гдей-то я вас видел?

— Хэ!—ржет Иван Мартьяныч,—не признали! Пользовался я в вашей амбулатории!

— В амбулатории пользовались у нас? Лечились, так сказать? Ну, и что ж вы такой веселый?..

— Дык выздоровел я!

— Выздоровели?—опешил сторож:—в амбулатории лечились и выздоровели?.. Не-ет, что-то, братец, тут не так, что-то вы путаете, братец... Таких случаев, братец, у нас и в практике не бывало... Чтоб и лечился человек, и выздоровел человек... не-ет!

Л. Митницкий,

ОХОТНИКОВ НЕТ.

В январе сего года Кытлымский подрайон союза охоты выписал из Московской конторы Военпромторга (Никольская, 10), пробную партию ружей с припасами и выслал задаток в 60 рублей. После долгих ожиданий, получили одни припасы, а об ружьях ни слуху, ни духу.

Ежели эта контора будет так поступать, пожалуй, скоро и охотников не найдется... иметь с ней дело.

ПЕРЕСТАРАЛСЯ.

Одиннадцатилетний мальчик нес старую вату, завязанную в тряпке, для шитья одежды (ст. Крымская, Куб.-Черн. округа). Помощник финансового инспектора Крымского района Зааке арестовал его и продержал в холодной несколько часов, по подозрению в том, что он хотел торговать ватой без патента.

Мы подозреваем, что у Закке не все дома. Пускай сходит, посмотрит, а назад в финотдел не возвращается.

ЧТО У КОГО БОЛИТ.

— Помогая другим, вы помогаете себе. Жертвуйте на МОПР!

— Гм... если так, то я бы лучше пожертвовал на ДОПР.

ИВИАЛЫ В БОК

НО СОБЛАЗН БЫЛ ВЕЛИК...

Оказывается, вот почему так часто профрабтники растрачивают казенные деньги: «Предфабком ткацкой фабрики № 3 Аннов, будучи по делам службы в Москве, прожил 500 рублей. Свой поступок он объясняет так: слабость к бабам, соблазнился и прокутил». Несчастнейший предфабком. Сла-абенький! Еле на ногах держится. Того и гляди, что вот-вот сядет... годика на три.

ЛИКВИДАТОРЫ.

Из обязательного постановления № 11, Семипалатинского Гик'а: § 3 «Неграмотные граждане зачисляются в школы, по мере открытия таковых, с таким расчетом, чтобы к десятилетию советизации Кир-республики была ликвидирована неграмотность»...

И в этом же постановлении § 6: «Лица, виновные в нарушении пункта 3, подвергаются в административном порядке штрафу до 300 руб. или принудительным работам на срок до 3-х месяцев». Видите, как плохо быть неграмотным. Особенно в Семипалатинске.

РЕКОРД БЫСТРОТЫ.

Оршанцы, должно быть, хорошо помнят половицу—«Поспешишь—людей насмешишь». И поэтому:

«Отношение Оршанского фининспектора за № 1637 до отделения «Хлебопродукт» шло шесть дней. Расстояние от канцелярии фининспектора до «Хлебопродукта»—52 сажени».

Прочитав про это один московский нэпман вздохнул и пожалел: — Зачем я не живу в Орше на расстоянии от канцелярии фининспектора версты на две!

СПОРНЫЙ ВОПРОС.

Занимайтесь, гр-не, спортом. Вот еще один факт говорит за это:

«В Сергиевске, Бугурлинского уезда, ответ. секретарь волкома РЛКСМ, Тимашев, приди пьяный в клуб, начал бить там окна. Усмирить не могли, ибо он хороший спортсмен».

Должно быть, не всегда в здоровом теле—здоровый дух... Иногда — самогонный...

ИТОГИ.

Из газеты «Дальневосточная кооперация» № 13:

«Прошлый операционный год кооперации ДВО в целом закончила без прибыли и убытка. Принимая во внимание неочищенные балансы, можно считать, что в общем получен убыток».

Правильно говорили еще в старину,—прибыток с убытком свертались, а в итоге ничего не осталось.

ТОЖЕ СОВРАБОТНИЧЕК.

Агент Леннинского рудоуправления (Томской губ.) Мальцев приехал в дер. Манчереп и, напившись, начал буяннить. Жену крестьянина Абазева он ударил за то, что она отказалась его поцеловать. Потом он потребовал, чтобы крестьянин Калмыков повез его катать, за отказ ударил его дугой, потом, выбив окно в хате, отправился на прогулку.

Ну, пусть погуляет и подумает. Благо, торопиться некуда. Рудоуправлению такие агенты ни к чему.

И ВАШИМ, И НАШИМ.

Учитесь, товарищи, как надо угождать «всем, всем, всем»... Учитесь у зава читальней деревни Зубанхи, Нижегородской губернии, гр. Круглова. Вот:

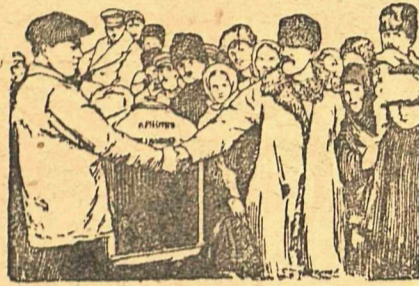
«В читальне повесил портреты Калинина и Зиновьева, а, между ними, икону». Ловко! А еще говорят, что у нас в СССР мало изобретателей.

ВСЕ С УМЫСЛОМ.

Начальник милиции первого района Верхне-Камского округа, Уральской области, Кувшинов стрелял 22-го мая в граждан села Дедюхино, гулявших по мосту. Он был пьян по случаю праздника Николы. Он знает, что делает. Если не был бы пьян, граждан повредить мог. А так все обошлось благополучно.

ЧУДО.

СМЫЧКА НА ДЕЛЕ.

1-го июля рабочие Николаевского завода имени французского коммуниста АНДРЕ МАРТИ передали плашечки села Богородице-Смоленского, Широкого Балки и Балаганово — 4 трактора «Смичка», «Красный Металлист», «Комсомолец» и «Большевик». Все трактора фирмы «Фордзон» с 2-х лемными паузом «Дира» каждый трактор в состоянии в течение рабочего дня обработать пять десятин земли. Вместе с тракторами переданы также зерно и горючее на 1000 аршин пашенной земли. В течение 2-х недель 4 лучших моториста завода будут работать и обучать управлению тракторами «весьма». На нашем рисунке изображен момент передачи трактора «Красный Металлист».

рабочие Коломенского завода передали с'езду трактор

Газеты „Плуг и Молот“ и „Коломенский Рабочий“ поместили два снимка с разных событий, а снимки почему-то получились одинаковые.

НЕСЧАСТИЕ.

Стряслась беда в астраханской губмилиции: Секретарь нашей ячейки т. Шукин стал увлекаться пусканием телефонограмм. Посылает их со второго этажа в нижний. Посылает их даже тем, кто сидит с ним рядом. Всем чиркает телефонограммы в лист величинной, с исходящими номерами. Хорошо еще, что тов. Шукин не закатывает свои телефонограммы по радио, а то даже и в мировом эфире не осталось бы ни одного не загаженного канцелярщиной уголка.

«ГАИ-ДА ТРОЙКА».

«Крокодилу» сообщают: В городе Кохме, Иваново-Вознесенской губ. недавно отделан заново дом, называвшийся ранее «горелым домом»; предназначался он для рабочих. Однако, большинство квартир заняли служащие с большими ставками и жилтройка. Оказывается, и около горелого дома можно погреть руки. А может быть, и обжечься.

ДЕШЕВО И СЕРДИТО.

Предсельсовета острова «Чечень», на Каспийском море, опубликовал нижеследующее об'явление.

«Ставлю всех граждан, живущих на острове «Чечень», в известность, что 1-е мая есть великий праздник Интернационала. Никто не должен производить никаких работ. Кто не почтет великий праздник, будет подвергнут дисциплинарному взысканию от 2-х до 4-х суток или к штрафу от рубля до 4-х.

Председатель сельсовета Рогов».

Неизвестно, работал ли кто на острове «Чечень» в день первого мая, но что голова предсельсовета еще до праздника не работала, это ясно.

НАСЧЕТ ПРИВИВКИ.

В саперном батальоне 9-го стрелкового приморского корпуса в 4-й роте, после прививки оспы, ни у одного красноармейца оспа не привилась, а от укулов красноармейцы ходили по 3 суток с температурой в 40°.

Медперсонал тамошний нуждается сам в прививке. Привить бы им более внимательное отношение к прививке, а если не привьется, то припаять, да покрепче.

РЕКОРД «СКОРОСТИ».

15 мая 1924 года конюху средней экономии госконзавода «Восход» НКЗ (при разъезде Коцеб, Сев. Кавк. жел. дор.), Стебенко, оторвало фалангу пальца во время работы. Акт об этом случае составлен 23 сентября 1924 г. Извещение прибыло в камеру инспекции 21 апреля 1925 года. Весь путь—18 верст.

За год не то что бумажка придет куда следует. За год палец, и тот вырасти может. А палец вещь нужная: указать, кому следует, на дверь.

У СЕБЯ НА ДОМУ.

Нач. милиции Дмитровского района, Конотопского округа, Львов именуется себя князем Львовым. За четырехмесячное пребывание на посту он всего один раз выехал в район и, остановившись на хуторе, заставил волисполком в полном составе притти к нему из деревни. Львов подписывает бумаги у себя на дому и гоняет милиционеров и деловодов туда и сюда с бумагами.

Правильно, князь Львов: вам ходить в милицию незачем. Лучше постоянно сидеть у себя дома: полезно и для себя, и для милиции.

НАШ РЕЦЕПТ.

В Трубчевскую амбулаторию горбольницы (Брянской губ.), явился председатель месткома коммун. работников Химин и потребовал: у врача, чтобы он дал ему отпуск по болезни. Врач в отпуске ему отказал; уходя, Химин бросил угрозу врачу: «Мы с вами после поговорим по этому поводу» и хлопнул дверь.

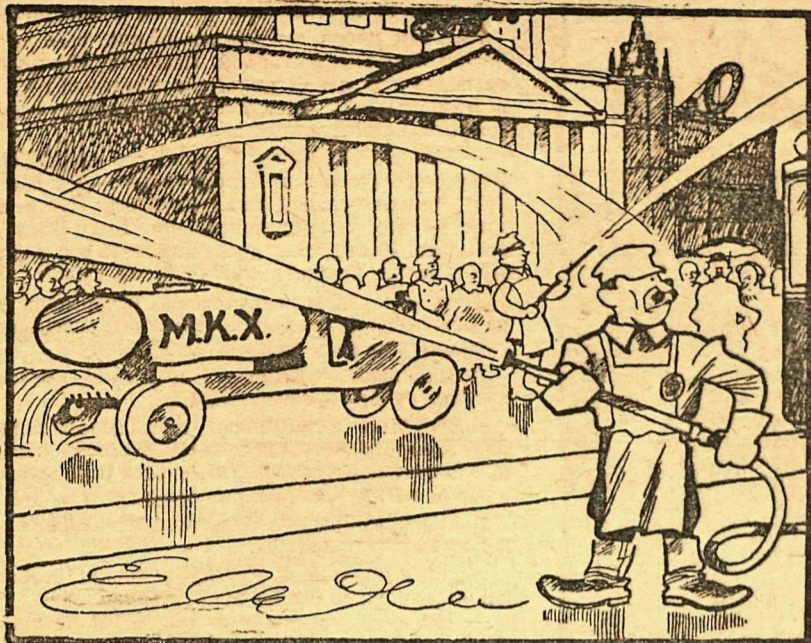
Хотя Химин и хлопнул дверь, а мы все-таки находим, что врач поступил неправильно, признав его здоровым. Химин болен. И нехорошо себя чувствует... на своем посту. Необходима перемена места.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ.

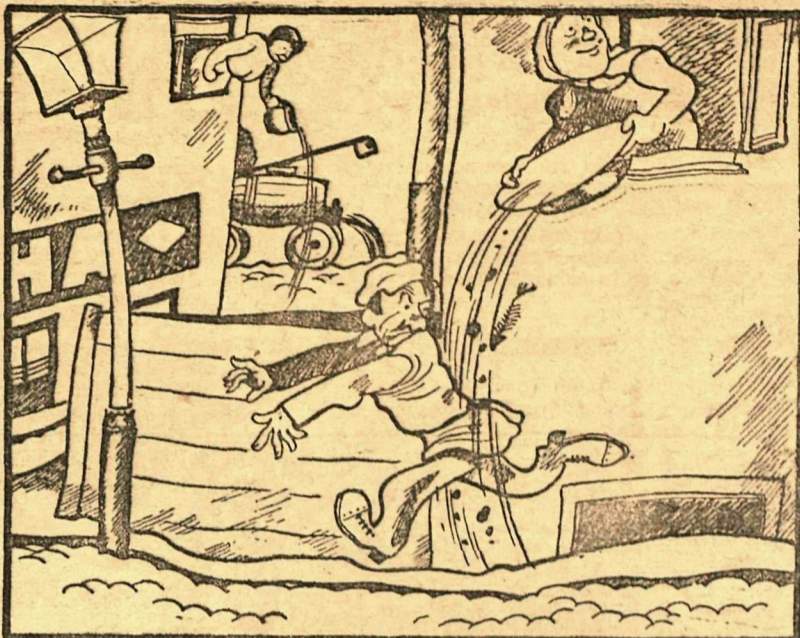
«Крокодилу» сообщают: «В гор. Владивостоке жена грузчика местранса родила ребенка без медпомощи. Отец ребенка должен был для получения помощи роженице обратиться в губздрав, страхкассе, амбулаторию и милицию для установления факта рождения ребенка. Трудно получить в городе Владивостоке удостоверение о рождении ребенка. Гораздо легче получить удостоверение в «Крокодиле» о том, что бюрократизм и волокита еще не умерли.

МНОГООБРАЗИЕ УЛИЧНОЙ ЖИЗНИ.

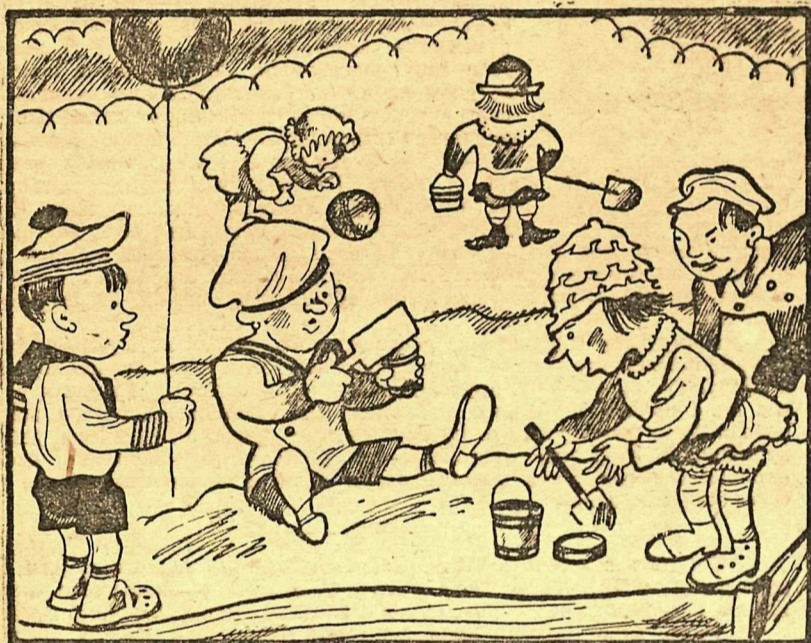
Рис. К. Ротова.

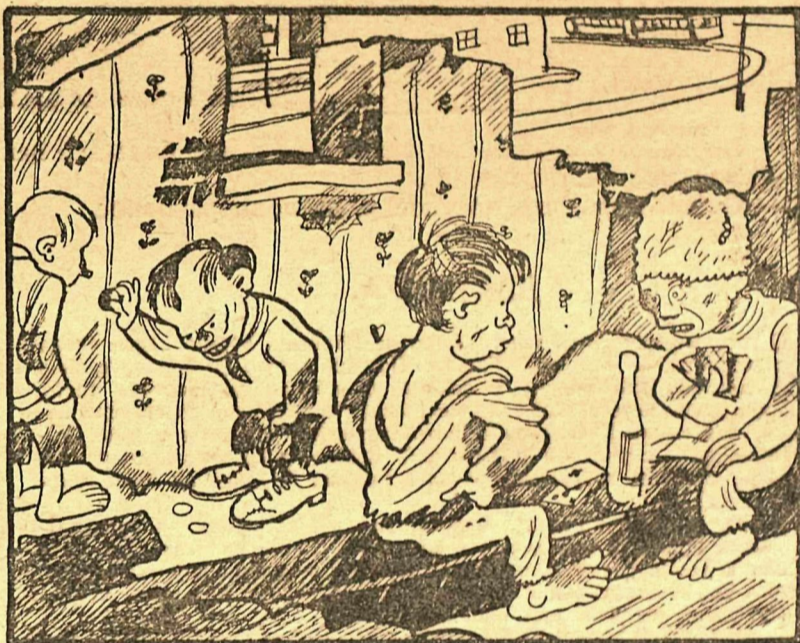
Обычно улицы поливают так.

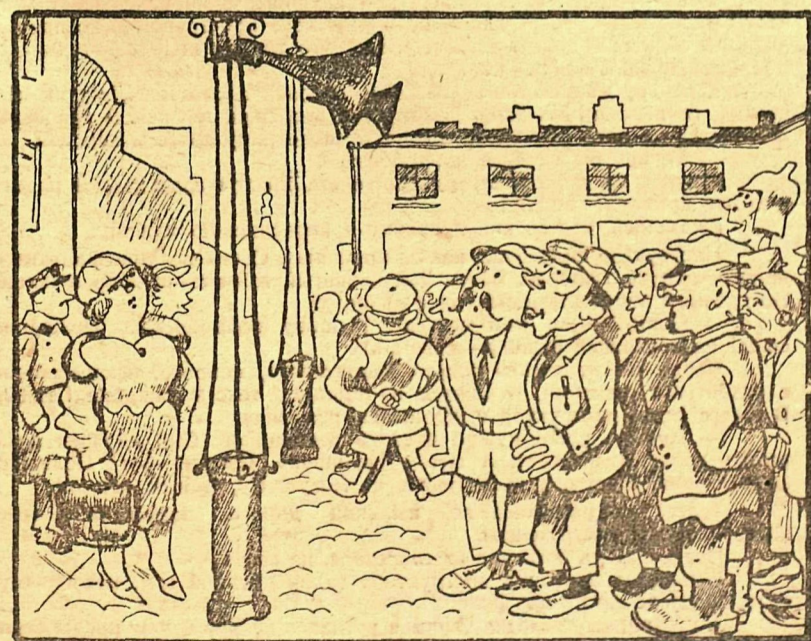
Но не мало граждан, без всяких хлопот, поливают таким манером.

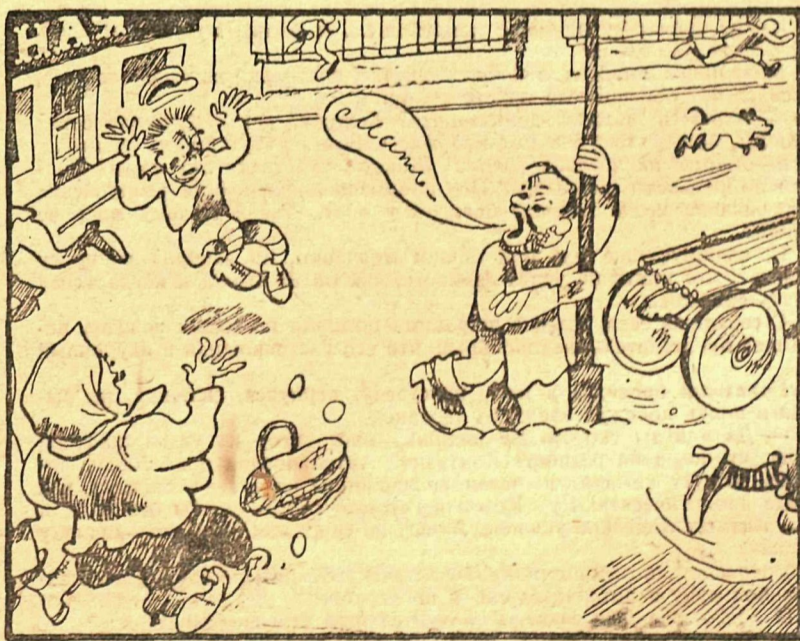
У одних родителей дети играют так.

А у других—вот эдак.

Многие подолгу слушают громкоговорители.

Но далеко не многие могут выдержать такой громкоговоритель.

- По какому случаю вы назначили такие большие цены?
- Это мое частное дело...
- Очень жаль, что частное, а не кооперативное.

ДВА МИРА.

С того момента, как телега Андрона Птицына остановилась около дома сельсовета, — все село Гнилые Прудки встало дыбором, словно крепкие дрожжи кто бросил в сонное, спокойное деревенское тесто. Из Андроновской телеги, отплевываясь, вылез приехавший со станции небольшой, приземистый человек в потрескавшейся кожаной куртке, выцветшей кепке и с узелком подмышкой. Вылез—и сразу закричал пронзительным голосом, так, как не кричал в Гнилых Прудах ни один самолюбивый петух:

— Эй, граждане! Где тут власть? Выходи встречать,—я приехал!

Телега приехала под вечер, и властей в совете не оказалось. Зато из соседних домов разом повыскакали мужики с чадами и домочадцами, почесывая животы, затылки и прочие приспособленные для этого места.

Презжий закричал еще пронзительнее:

— Ну? Что уставились? Не видите—человек из культурного центра приехал! Где председатель? Почему такая волокита?

И, схвативши первого подвернувшегося мальчишку, он закончил повелительным тоном:

— Беги к председателю! Пулей! Скажи, приехал из уезда красный инструктор антипожарного дела. Понял? На борьбу с бичом красного петуха. Чтобы сейчас отвели мне помещение... и ужин! Ну! Живо! Будь готов, с-гляк «олопятей!»

Мальчишка побежал, а человек в кепке, несколько не успокоившись, набросился на обравшуюся вокруг толпу:

— Надеюсь, каждый день горите? Колодцы есть? Дружина есть? Да что вы, воды, что-ли, в рот набрали?! Вот некультурность темная... Дороги—болого, на крышах солома! Живете, как тыщу лет назад! Полнейшая амортизация инвентаря. Тут, понимаешь, активность раздуваешь, электрификация везде ключом бьет,—а у вас?.. Тьфу! Почему мост не починили?..

И, сплюнув еще раз при общем молчании, он закурил папиросу так быстро, что никто не успел заметить, как он ее вынул и когда успел чиркнуть спичкой...

С середины села, шлепая широкими штанами по голым ляжкам, неспеша шел председатель, недовольный, что его растревожили в неурочный час

Презжий бросился к нему навстречу, вернулся, сплюнул, не выдержал и вновь побежал вверх по деревне:

— Да иди ты скорей! Не видишь,—инструктор из уезда приехал! Паралич, что-ли, тебя расшиб? Контузия? Антрипанация ног? Люди, понимаешь, минуточку каждую по часам на червонцы кладут,—а он идет, как черепаха зоологическая! Ну? Комната готова? Только чтобы без блох и клопов. Антискептические условия. Лучше на сеновале! На ужин—яичницу и молока.

Председатель опешил, попробовал раскрыть рот, но гость уже схватил его под руку и потянул за собой по деревне.

И долго еще был слышен пронзительный отрывистый голос:

— Тут, понимаешь—нет, из кожи вон лезешь. Продукция культуры... физическая отсталость...

Замер голос около избы солдатки Офимьи...

На другой день с трех часов утра во дворе совета заварилась кутерьма. Приезжий инструктор, верткий, как бурвчик, крутился между сонных мужиков, вкалываясь булавкой то в председателя, то в секретаря, то еще в кого-нибудь.

Посреди двора лежали новенькие, еще не собранные части пожарной машины. Инструктор не подпускал к ним никого, поплеывая на руки и погромыхивая инструментами, завернутыми в грязный, промасленный платок.

— Это что? Керосин? Становь его сюда! Живо! Пару старых мешков! Чтобы чистых—без навозу! Так. Теперь—сгоняй сюда дружину. Пусть смотрит — что к чему прилажено. Буду наглядно собирать. Инструкция посредством самой работы. Ну? Где же дружинники? Гони их сюда.

Туча мальчишек, смотрившая, раскрывши рот, на машину, а больше на инструктора, рассыпалась горохом собирать пожарную дружину.

Дружинники собирались медленно, зевая и вздрагивая от утреннего холода.

Инструктор нетерпеливо поглядывая вокруг, мям папиросу, снимал и надевал кепку, перебирал инструменты, ругался, плевался и подсучивал рукава, поглядывая на разгорающееся солнце.

Наконец, собралось с десяток дружинников и несколько любопытных.

Инструктор скинул куртку и кепку, особенно решительно плюнул на руки и начал:

— Первое слово, понимаешь, — вы не пожарники, а бабы, вы раздолбанные! Пожарник — он по первому слову приказа обязан лететь стрелой. И тая стрела не должна чесать себе пуза. Ликвидация огненного бича, красного петуха, — это есть такое же героическое, как на красном фронте. К бою готовься! По неприятелю — па-альба! Только тут пальба идет водяная, сквозь кишку. А разницы — никакой. Поняли — нет? И, значит, если зовут—надо итти. Потому, что с красным петухом не может бороться мокрая курица! Теперь разуйте глаза и смотрите сюда. Что вы видите? Бессистемную конструкцию отдельных частей. Как будто скелет с оторванными членами рук и ног... Глядите, как я буду собирать их в машину. Учитесь, пока я жив. Придется потом самим постигать всю анатомию.

Прежде всего, вот это зна-омач вам всем кишка, техника которой вам известна по самогону. Гоните? Ну, то-то! Так вот эта кишка в случае пожара имеет особое название: брансбой! Это значит—боевая часть машины...

Инструктор говорил еще долго и много, отирая лоб грязным красным, промасленным платком. Кончил он лишь тогда, когда солнце подошло к обеду. Тут он отпустил дружинников, строжайше приказав явиться через час и не принимая никаких отговорок. Председатель и секретарь попробовали было намекнуть, что им некогда и не лучше ли перенести работу куда-нибудь подальше от совета,—но инструктор выдал из своего охрипшего горла такие высокие звуки и такие непонятные слова, что советчики смирились.

Работать в совете в этот день не было никакой возможности. Пошел дождь, и инструктор перенес сборку машины в канцелярию совета. Весь пол был залит керосином, столы сдвинуты, бумаги сброшены в кучу.

Инструктор находил дело каждому: одного посылал за тряпкой, другого заставлял подержать насос, третьего нагружал винтами и гайками. А председатель, как взял с утра бидон с керосином—так и не смог его выпустить, пока сборка не была закончена.

— Техническое устройство насоса очень просто,—на ходу объяснял инструктор. — Главное, понимаешь, — клапаны. Один вхлебывает, а вот этот выхлебывает. Посредством безвоздушного пространства, которое наливается водой. Колодцы есть? Ну, вот, это тот же колодец—технически оборудованный. Поняли—нет?

К вечеру машина была, наконец, собрана и смазана. Дождик перестал, и ее вынесли во двор. Инструктор усталый, потный и довольный, любовался на дело рук своих, размазывая по лицу грязь и керосин.

— Теперь бы на деле попробовать...

И вдруг, словно в ответ, в двери совета блеснул алый язычок пламени и кто-то крикнул:—пожар!

Оказалось, кто-то кинул спичку в керосиновую лужицу.

Инструктор подскочил, как на пружинах. Огонь потушить можно бы просто: кинуть тулуп на маленький гловатый язычок,—и дело с концом. Но грозный инструкторский голос крикнул:

— Постой! Дай разгореться. Машину попробуем!. Пожарники, сюда! Разворачивай шлангу—жива-а-а!

Через час от здания совета, закоптелого, мокрого, искаженного, с разбитыми стеклами, отъезжала на станцию телега Андрона Птицына. В телеге сидел инструктор и, прощаясь, раз'яснял:

— Прежде всего нужно пускать топорников. Они должны разворотить горящий предмет. А потом уж кишку. Поняли—нет? Полнейшая амортизация! Мосты, и те починить не могут! Ну, трагяй, что-ли!

Телега загромыхала по пыльной дороге. Зазвенели в телеге инструкторовы инструменты.

Председатель поглядел на секретаря, на совет...

И полетел вдогонку инструктору такой крепкий мат, какого, вероятно, сроду земля не видывала.

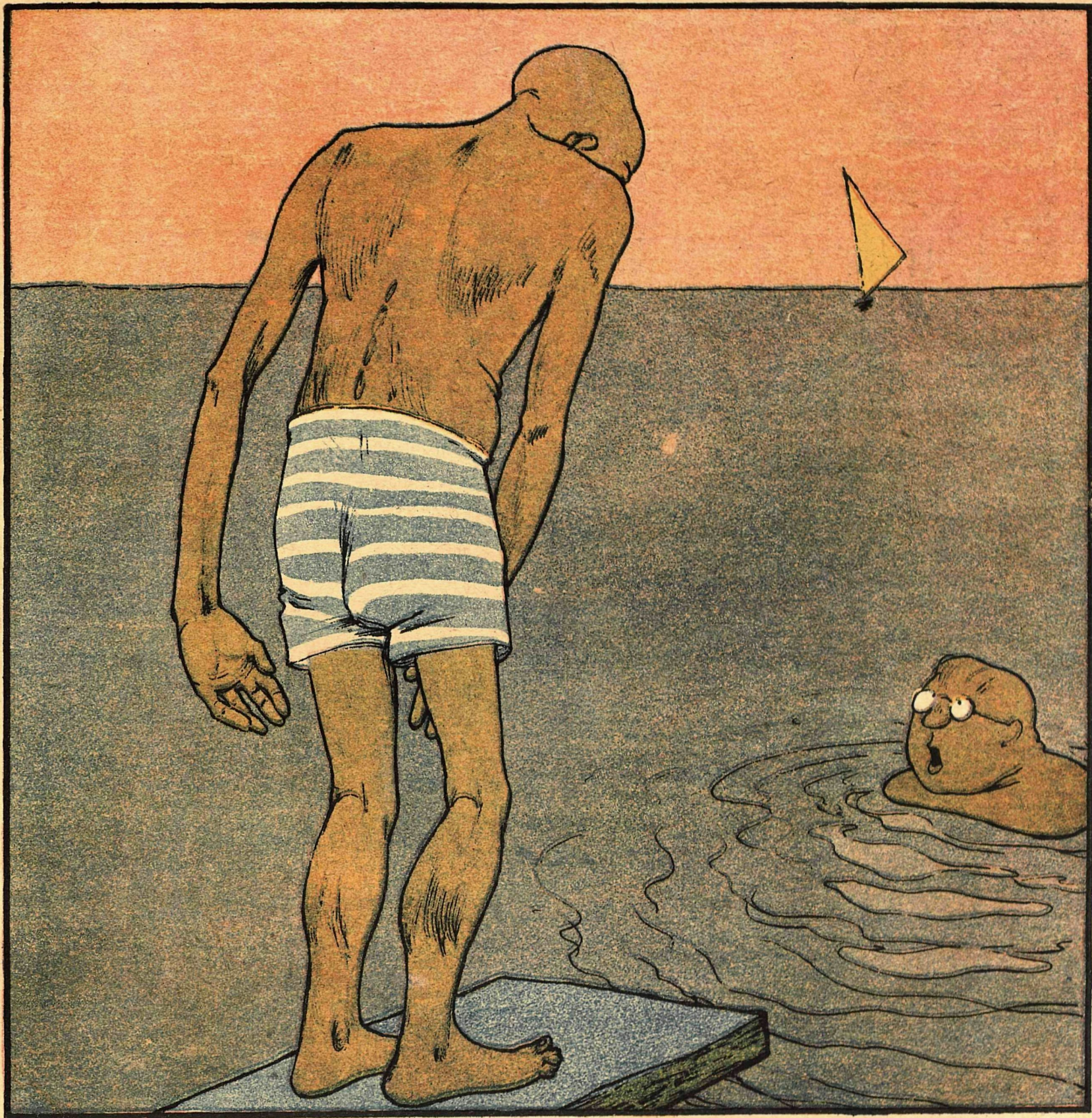
А у околицы солдатка Офимья ругалась не хуже, чем председатель, выливая брезгливо из глиняной посуды некую жидкость:

— Убирай тут за всяким... Тьфу! Двух шагов до двери дойти не может! Ученый!..

Вас. Лебедев-Кумач.

ПЕРЕДРЕССИРОВАННЫЙ.

Рис. К. Елисева.

ЗАВ.—Что же вы, батенька, не входите?
ПОДЧИНЕННЫЙ—А разве можно без доклада?

НА ЭКСКУРСИИ.

- Что же это Вы ветки с деревьев обламываете?
- Видите-ли, я из союза древообделочников!

ПОСЛЕ ПОЖАРА.

- Не везет, все-таки, нашему Заву
- А что?
- Кооператив сгорел, а оправдательные документы остались.

Рис. Ю. Ганфа,

ДОКТОР:—Принимайте ежедневно после обеда.
СТУДЕНТ:—После обеда? Тогда придется еженедельно.

КАК Я ВЕЛ КРУЖОК РАБКОРОВ.

Прежде чем рассказать эту печальную историю, прошу слова: я не виноват. Товарищи рабкоры! Поверьте, — не ви-но-ват.

Я говорил в райкоме, что в газетах ни разу не писал. Правда, в прошлом году напечатал объявление об утере учетно-воинской карточки, но это не в счет.

Я говорил в райкоме,—у меня служба, у меня кружки, у меня партобязанности, у меня легкие... И, наконец, у меня ВУЗ, где я учусь на химическом отделении.

— Знаю, знаю, — отмахивался от меня, как от надоедливой мухи, зав. отделом печати — и отрубал: — вот вам удостоверение. На этом предприятии, куда вы направляетесь, работы почти не было. Наладьте работу. Дело новое. Интересное. Достаньте программу. «Рабочий Корреспондент» № 9.

— Но ведь я не знаю, с чего начинать. Химик я!.

— Тем лучше, тем лучше. По крайней мере, научитесь. Раз в неделю. Совестно отбоириваться... Нужны работники, а вы тут...

— Но ведь... — хотел я еще что-то сказать, но слова застряли в горле.

Зав. отделом посмотрел на меня, как на оторвавшегося.

Я тяжело вздохнул и ушел.

В течение 2-х дней я успел опросить своих приятелей, которые вели кружки рабкоров и работали в печати. Ничего утешительного. Мнения их сходились только в одном,— программу лучше не читать. А дальше шли советы: обратить внимание на заголовок. Пересыпать газету лозунгами. Заинтересовать читателей. Заинтересовать рабкоров. Но как? Об этом никто из них толком не сказал.

И я решил, что надо выработать свои собственные методы и собственный план. Так и сделал.

Во вторник, ровно в 8 часов вечера, я уже сидел среди рабкоров и редколлегии и ставил работу:

— Ладно, приступим. Поменьше слов, побольше дела.

На столе лежала стенгазета «Красный Булочник»,

— Вот,—сказал я,—начнем с названия «Красный Булочник». Удовлетворяет ли вас такое название?

— Ничего.

— Вот именно,—ничего. Оно ничего не говорит. Оно мертво. Бледно. А надо, чтобы название было едкое, ядовитое, крепкое. Вот, скажем, «Цианистый Калий» или «Серная Кислота». Это, я понимаю, сильно. А чтобы ярче звучало,— можно «Красный Цианистый Калий». Я думаю, долго об этом говорить не приходится. Давайте, на этом остановимся.

— Но ведь мы булочки, пекари,—попробовал кто-то неуверенно возразить.

Я ему ничего не ответил. В самом деле, не нарушать же план работы из-за одного.

Таким образом, я очень быстро раскритиковал «Красный Булочник» до «Почтового ящика» включительно. В особенности напирал на заголовки. Что это такое—никому ничего не говорящее «Надо подтянуться», или «Охрана труда спит». Нет, заголовок нужно давать, чтобы он останавливал. Чтобы

он, подлец, бил бы в глаза! Интриговал! Не «Охрана труда спит», а «Больше кислороду». Вот такой заголовок, он сразу на себя обратит внимание. И я объяснил, что кислород,—он чрезвычайно хорошо поддерживает горение. Этим мы как бы хотим сказать, чтоб работа в охране труда горела.

Все заметки для следующего номера стенгазеты я забрал с собой и два вечера их обрабатывал. Сам написал передовую, где объяснил, почему «Красный Цианистый Калий», а не «Красный Булочник». Я подробно и популярно рассказал, что цианистый калий получается путем нагревания железистосинеродистого калия с поташем. И кончил приблизительно так:

— Газета должна бичевать. И лучше всего с этим справится, конечно, цианистый калий, как в высокой степени сильнодействующий яд.

Наша газета приняла неузнаваемый вид. Пестрели химические формулы и звенели вместо лозунгов законы Бойля и Вант-Гоффа. Само собой разумеется, что все это было связано с текущими политическими моментами и злобой дня.

На первом же собрании кружка рабкоров я сделал подробный доклад о кинетической молекулярной гипотезе. Была только одна записка. И то не по существу: обиженный автор спрашивал, на каком основании я его заметку: «Нет сырой воды» озаглавил: «Кипятите аш два О». Я ему объяснил, что аш два О—это и есть вода и содержит два атома водорода и один атом кислорода. На этом он и успокоился.

Я чувствовал, что газета налаживается. Главное, я сам очень добросовестно исполнял свои обязанности, и меня это увлекло.

Но вот извольте же....

На следующий день меня вызвали в райком.

— Здравствуйте...

— Садитесь, я с вами должен подробно поговорить,—сказал строго завотделом печати.

О чем он со мной говорил—это не интересно и не важно. Но только стенгазета осиротела...

Недавно встретил Фомичева, спрашиваю:

Ну, как газета?

— Ничего... Только название ей новое—«Пропеллер».

— А почему «Пропеллер»?—ухмыльнулся я,—ведь вы булочки, пекари...

— Так-то так, но у нас руковод из авио-отряда.

Для меня было все ясно.

Б. Левин.

— Сегодня я вращался в высоких сферах.

— Неужто у преда в гостях был?

— Да нет! Выше! На „Юнкерсе“ летал.

НА КУРОРТЕ.

Недовольная курортном,

Нина Львовна ходит чортом:

— Ах, какое безобразие: море, солнце и платан!..

Никого, кто-б был „с поньём“,

Щегольнуть пред кем же платьём?

„От станка“ Степан с Демьяном, „от сохи“ с Кузьмой Иван.

Три хожалки от Мосздрава,

От МОНО детей орава,

Пять сельшкрабов и столичный, но унылый педагог!..

Кудри, краски, губномада:

— Ах, кому здесь это надо?!

Нина „Санина“ читает и клянет жестокий рок.

Ну, и сжалилась судьбина,

Из Москвы другая „Нина“,

Без малейших отклонений, точка в точку, тот же сорт,

В шляпке, даже подороже,

С чемоданом лучшей кожи,

В модном платье, прикатила, как и Нина, на курорт.

Те же краски, те же губки,

Те же глазки, те же юбки,

И сказала злобно Нина, возмущением горя:

Из столицы, верно, птица!..

Тоже вздумала... лечиться!..

По протекции, конечно, возмутительная фря!.. *М. Андр.*

ОТ РЕДАКЦИИ „КРОКОДИЛА“.

Выездная сессия паноптикума, помещенная в № 19 (29) „Крокодила“ (6 рисунков), целиком относится к международному положению на Курловском госстеклозаводе (Владимирской губ.).

Редакция „Крокодила“.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

== НА ==

„РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ выходит в 5-ти изданиях.

1-е издание. Цена 40 к. в месяц.	„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“
2-е издание. Цена 1 р. в месяц.	1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ 2) „КРОКОДИЛ“ еженедельный сатирический журнал
3-е издание. Цена 1 руб. 55 коп. в месяц.	1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ 2) „КРОКОДИЛ“ 3) „ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ“ 2-х недельный журнал для детей. 4) „РАБОТНИЦА“ 2-х недельный журнал Женотдела ЦК РКП.
4-е издание. Цена 1 руб. 70 коп. в месяц.	1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ 2) „КРОКОДИЛ“ 3) „ЭКРАН“ 2-х недельный литературно-художеств. журнал 4) „ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“ ежемесячный популярно-научный журнал
5-е издание. Цена 2 руб. 35 коп. в месяц.	1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ 2) „КРОКОДИЛ“ 3) „ЭКРАН“ 4) „ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ“ 5) „РАБОТНИЦА“ 6) „ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“

Продолжается подписка НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

„МУРЗИЛКА“

с бесплатными приложениями. Цена 40 коп. в месяц

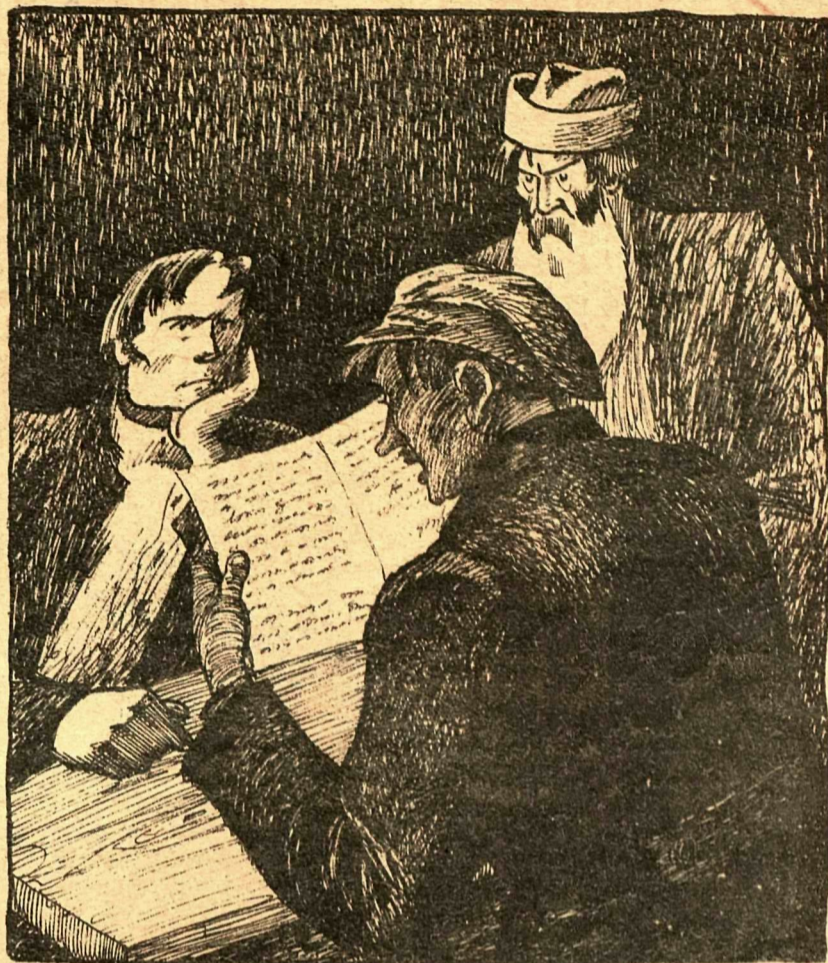
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

в Москве—в Главной конторе - Тверская ул., д. 3; в провинции в отделениях и представительствах „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“ и во всех почтово-телеграфных конторах.

ПОНЯЛ ПО СВОЕМУ.

Рис. К. Елисеева.

Открыты курсы для председателей сельских советов.

— Иван Степаныч пишет с курсов, что получает там одни пятерки...
— Здорово! Вот что значит образование! А в Гаврилове председатель на курсах не обучался и больше тройка не берет...

ФИЗКУЛЬТИЗДАТ

НОВЫЕ КНИГИ

Вопросы физической культуры. Сб. статей под редакцией Я. Б. Эйгера и И. С. Симонова. Ц. 1 р. 50 к.

Глаголева, Л. В. Площадки, как один из видов летних занятий с детьми. Изд. 2-е, испр. и доп. Ц. 80 к.

Гориневский, В. В., проф. Гигиена физ. упражнен. и спорта. Ц. 90 к.

Налачев, Г. А. Метод объективной оценки результатов физ. подготовки войсковых частей и военно-учебн. завед. Предисл. К. А. Механошина. Ц. 30 к.

Мюллер, И. П. Пять минут в день. Ц. 80 к.

Палепа, Г. А. Революцион. игры юных пионеров. Серия из 8 книг. Цена каждой кн. 12 к.

подробный курс гимнастики. Пер. Манохина, Н. В., перераб. А. А. Чернышевным. Ц. 5 р.

Прохоров, М. Н. Руководство по управлению шлюпкой. С 11 рис. Ц. 60 к.

Футбол. Правила игры и организация соревнований. Утвержд. Техком. ВСФК. 2-е изд. Ц. 1 р. 20 к.

Ратов, П. В. Легкая атлетика. С рис. Ц. 85 к.

Физкультура в деревне. Сб. ст. под ред. и с пред. Н. А. Семашко. Ц. 40 к.

Физкультура летом. Сб. ст. по клубной работе под ред. и с пред. Н. А. Семашко. Ц. 50 к.

Принимается подписка на 1925 г.

Двухцелевой журнал

„Известия Физической Культуры“

Приложения: { 6 сб. „Теория и практика физкультуры“
6 вып. „Пролетарский Спорт“

Подписн. цена с прилож. на 1 год — 15 р., на 6 м. — 7 р. 50 к., на 3 м. — 4 р.

Еженедельная спортивная газета

„Красный Спорт“

Подписн. цена на 1 год — 7 р., на 6 м. — 3 р. 50 к. на 3 м. — 1 р. 75 к.

Только подписчики могут получить

„9 книг и серию плакатов“.

Подписн. цена и 1 год (9 книг серия плакатов) — 8 р., на 6 м. (4 кн. и сер. дл. к. — 4 р., на 3 м. (2 кн.) — 2 р.

Подписку и переводы направлять:

непосредственно в Главную Контору Изд-ва Высшего и Московского Советов Физкультуры: Моисив, Советская пл., Столешн. пер., (б. Козмодемьянск.), д. 8.
В ЛЕНИНГРАДЕ подписка принимается в отделении Изд-ва: ул. Рамова (б. Итальянская), № 16.

Этот адрес надо вырезать и вклеить на конверт

Этот адрес надо вырезать из газеты, заполнить ответами на все вопросы и отправить в Изд-во.

Изд-ству Высш. и Моск. Сов. Физкультуры
МОСКВА, Столешников пер., д. 8.

В главную контору Изд-ства ЗАКАЗ

Прошу выслать газету „Красный Спорт“ экземпляров (сколько) на мес., начиная с на р. к. (сколько) (какого месяца)
Журнал „Известия Физической Культуры“ с приложениями изд. на мес., начиная с (сколько) (сколько) (какого месяца)
Серию в 9 книг и планатов изд. на месяцев, (сколько) (сколько) начиная с на р. коп. (какого месяца)
Подписную плату всего р. и высылаю почтовым переводом (сколько)

Подробный адрес заказчика:

(название учреждения, или фамилия, имя и отчество)

Губерния
Уезд
Почт. отделение
Село, волость и т. д.
Подпись

32

РОССИЙСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
25 ИЮН 1925
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

8504

1022

(УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ СМОТРИ НА 11 СТР.).